

«ЕВГЕНИКА ИЛИ ЖИЗНЬ»: СУДЬБА ОДНОГО НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА (1920–1930-гг.)

В статье рассматривается проблема развития евгенических идей в советском обществе 1920–1930-х гг. Автор приходит к выводу о наличии взаимосвязи между стремлением ученых-евгенистов найти способы кардинального улучшения человека как вида и идеями социалистических преобразований. Евгеника как наука о природе человека предоставляла широкие возможности для власти в направлении социального конструирования. Это стало на начальном этапе одной из причин поддержки евгеники, которая выразилась в организации в 1920 г. Русского евгенического общества при Институте экспериментальной биологии. По мере исключения из стратегии развития СССР идей «перманентной революции» Л. Д. Троцкого, который также имел революционные взгляды на возможность создания нового человека, евгеника перестала пользоваться поддержкой государства. Конфликт между евгеникой и сталинской концепцией построения социализма был вызван, в частности, различным отношением к влиянию окружающей среды на способность к приобретению наследственных признаков человеком и животными. Стремление улучшить материальные условия жизни и быта советских граждан не всегда соответствовали представлению сторонников евгеники о бытовом аскетизме и трудностях выживания, как о наиболее действенных факторах естественного отбора. Причины негативного отношения к евгенике в СССР в начале 1930-х годов автор предлагает усматривать не только в ее «буржуазной» сущности, но и в «механистическом» воззрении на общество, как на поле для ничем не ограниченного биологического эксперимента.

Ключевые слова: евгеника, советское общество, новый человек

Ссылка при цитировании: Сомов В. А. «Евгеника или жизнь»: судьба одного научного направления в условиях становления советского социализма (1920–1930-гг.) // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 322–334.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/322-334

Original article

© Vladimir Somov

“EUGENICS OR LIFE”: THE FATE OF ONE RESEARCH DIRECTION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF SOVIET SOCIALISM (1920–1930S)

The article examines the problem of the development of eugenic ideas in Soviet society in the 1920s and 1930s. The author concludes that the desire of eugenicists to radically improve the human species is related to the ideas of socialist transformations. Eugenics as a science about human nature provided broad opportunities for social construction. This was one of the reasons for the initial support of eugenics, as evidenced by the establishment of the Russian Eugenics Society at the Institute of Experimental Biology in 1920. However, as L. D. Trotsky's ideas about the “permanent revolution,” which included revolutionary views on the possibility of creating a new man, were excluded from the development strategy of the USSR, eugenics ceased to enjoy state support. The conflict between eugenics and Stalin's concept of building socialism was caused, in particular, by different attitudes to the influence of the environment on the ability of humans and animals to acquire hereditary traits. The desire to improve the everyday lives of Soviet citizens did not align with the ideas of eugenicists about everyday asceticism and the difficulties of survival as the most effective factors of natural selection. The author suggests that the reasons for the negative attitude toward eugenics in the USSR in the early 1930s should be seen not only in its “bourgeois” nature, but also in its “mechanistic” view of society as a field for unlimited biological experimentation.

Keywords: eugenics, soviet society, new man

Author Info: Somov, Vladimir A. — Doctor of History, Professor, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Volga Region Branch of the Russian State University of Justice (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: somoff33@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>

For citation: Somov, V. A. 2025. “Eugenics or Life”: the Fate of one Research Direction in the Context of the Formation of Soviet Socialism (1920–1930s). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 322–334.

В августе 1894 г. в газете «Русские ведомости» был опубликован рассказ А. П. Чехова «В усадьбе». Его герой, обнищавший аристократ и «неисправимый дарвинист» Рашевич эмоционально доказывает своему гостю «научную» точку зрения на вопрос обособления «белой кости»: «... Благодаря строгому половому подбору, тому, что благородные фамилии инстинктивно охраняли себя от неравных браков и знатные молодые люди не женились чёрт знает на ком, высокие душевные качества передавались из поколения в поколение во всей их чистоте, охранялись и с течением времени через упражнение становились всё совершеннее и выше. Тем, что у человечества есть хорошего, мы обязаны именно природе, правильному естественно-историческому, целесообразному ходу вещей, старательно, в продолжение веков обособлявшему белую

кость от чёрной» (Чехов 1977: 334). Такая позиция в конце XIX в. становилась все более популярной в российском «образованном» обществе. Несмотря на то, что, как установил Р. А. Фандо, «в России идеи о накоплении негативной наследственности были высказаны еще... в 1866 г.» (Фандо 2011: 7), долгое время проблема относилась к разряду научных «загадок». Так, Н. Я. Данилевский писал: «Совершенно непонятным, таинственным для нас способом передаются от родителей детям их физические свойства: физиологические черты, некоторые болезненные расположения, умственные и душевные качества» (Данилевский 1991: 499). Только к 1902 г., как отмечает Н. Л. Кременцов, в русской литературе впервые появляется слово «евгеника», вероятно, как результат знакомства с русским переводом книги ее «отца-основателя» Фрэнсиса Гальтона, появившимся еще в 1870-х гг. (Кременцов 2015: 8). Была также крайне популярна в научных кругах работа польского антрополога Людвиг Крживицкого (Крживицкий 1902), который, по мнению Н. Л. Кременцова, может считаться автором русского термина «антропотехника», при этом предостерегавшим «от поспешного применения негативных евгенических мер» (Кременцов 2014: 28).

Таким образом, идеи зависимости человеческих качеств от факторов наследственности можно считать вполне укоренившимися в русской научной и общественной мысли задолго до революции 1917 г. Санитарные врачи, гигиенисты, физиологи, психиатры, наиболее известные из которых — Николай Федорович Гамалея, Тихон Иванович Юдин, Владимир Михайлович Бехтерев, активно взялись за разработку исследования возможностей практического применения евгенических идей. Первый Международный евгенический конгресс, состоявшийся в Лондоне в июле 1912 г., стал серьезным стимулом для расширения исследовательского внимания к проблеме. Одновременно наметилось определенное расхождение в понимании сути и смысла евгеники, ее целей и задач (Кременцов 2015: 17). Наиболее беспристрастные исследователи видели прямую связь проблем вырождения с особенностями социально-экономического состояния России. Так, В. М. Бехтерев в 1910 г. писал: «Что наши фабрики приводят к вырождению населения также не может подлежать сомнению, а вырождение есть первый шаг к развитию душевных и нервных болезней» (Бехтерев 1910: 297). И резюме: «Капиталистический строй — вот основное зло нашего времени» (Бехтерев 1910: 306).

Таким образом, уже в начале XX в., еще до революции русские евгенисты, в отличие от большинства их западных коллег, критически относились к постулату о незначительном влиянии среды на наследование приобретенных признаков. Они видели в сознательном преобразовании среды (социально-экономической, воспитательно-образовательной и т. д.) возможность устранения факторов, способствующих дегенерации. Если, например, Г. Лебон считал социализм политической доктриной неприспособленных вырожденцев (Лебон 2023: 354), их единственным способом выжить при условии устранения конкурентной борьбы, то «прогрессивные» русские евгенисты (Гамалея, Бехтерев) осторожно допускали целесообразность социально-политических действий по дезавуированию негативных факторов воздействия среды на наследственность. Обратим здесь внимание на то, что отрицательная оценка рядом российских евгенистов капитализма, как источника социального неблагополучия и дегенерации «низших» слоев общества может считаться одной из причин позитивного отношения к евгенике со стороны советской власти на этапе ее становления.

В современной отечественной научной литературе вопрос о развитии евгеники в рамках советского государства стал предметом исследования ряда авторов. Достаточно назвать работы В. В. Бабкова (*Бабков* 2008), М. Б. Конашева (*Конашев* 2022), Н. Л. Кременцова (*Кременцов* 2014, 2015), Н. С. Курека (*Курек* 2004), И. В. Кудашовой (*Кудашова* 2006), Р. А. Фандо (*Фандо* 2011) и др. Большинство авторов уделяют внимание, по преимуществу, реконструкции каких-либо из сторон развития евгеники в СССР — биологических, медицинских, философско-мировоззренческих, социально-бытовых, наконец, — личностных. Вопрос о судьбе этой дисциплины в связи с советскими историко-политическими реалиями считается практически решенным: евгеника — одна из «жертв» сталинской идеологической диктатуры. Так, В. В. Бабков прямо пишет, что евгеника и смежные с ней дисциплины «имели несчастье *чем-то* (здесь и далее курсив мой — В. С.) не угодить И. В. Сталину» (*Бабков* 2008: 7), в результате чего, «до сих пор никем не объясненная явная неприязнь И. В. Сталина по отношению к теории гена привела в нашей стране... к свертыванию евгеники» (*Бабков* 2008: 10). Сам В. В. Бабков связывает это с тем, что легитимность советской власти в значительной степени определялась различием взглядов на природу гена: «Тезис об изначальности гена, поддерживаемый марксистами-диалектиками Комакадемии, был вреден с позиции построения квазирелигии Сталина» (*Бабков* 2008: 500). По логике автора «если признать изначальный ген — чрезвычайно простой по химическому строению, исчезающе малый по физическим размерам и в то же время представляющий собой могущественнейшую *программу* развития, — то следует признать наличие Творца, Абсолюта или Высшего Разума. При этом большевики-богоборцы оказываются вне закона, ибо эта верховная инстанция не дала им никакой санкции... Таким образом, вопрос о воздействии среды становится вопросом о религиозной санкции власти» (*Бабков* 2008: 499).

Действительно, изменение среды (в том числе социальной) можно считать магистральным направлением советского проекта. Проблемные вопросы были связаны, вероятно, с определением границ возможного на этом пути. Знакомство с работой В. В. Бабкова практически не оставляет сомнения в существовании жесткого идеологического противоречия между евгеникой как формой научного знания о человеке и советской идеологией 1930-х гг., которую автор, без необходимой аргументации, называет «квазирелигией Сталина». Также установленным можно считать факт распространения среди ведущей части евгенистов (отечественных и зарубежных) специфического отношения к процессу создания нового потомства: рождения детей от «хороших» отцов и матерей — своеобразной «фабрике человека», без таинства любви и тому подобных «романтических мелочей». Другими словами, разделяемая большинством евгенистов теория неизменного «гена» при условии отказа от традиционной морали и соответствующего «полового воспитания» вполне могла стать основой для евгенического преобразования общества, так желаемого сторонниками радикальных революционных идей. По сути решать кто «гениален» и «как создать нового человека», а равно и «где учиться» школьникам и «кому что изучать» предстояло группе «ученых» с вполне определенным видением контуров нового общества.

К последним вполне можно отнести педологов, которые, пользуясь «новейшими» научными достижениями, активно принялись «консультировать» заинтересованных субъектов по вопросам улучшения человеческого рода в СССР. Поддержку им на Первом педологическом съезде СССР в декабре 1927 г. оказал народный комиссар просвеще-

ния А. В. Луначарский: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается, <...> тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии» (Из речей 1928: 9). И хотя основатель советской педологии А. Б. Залкинд в изданной по результатам съезда работе пытался смягчить излишне «механистическое» выступление наркома (Залкинд 1929: 59), конец 1920-х гг. прошел, можно сказать, под знаком признания неограниченности возможностей «антропотехники». В качестве примера практической реализации евгенических идей можно привести документы Нижегородского краевого института охраны здоровья детей и рабочих подростков, который был организован в сентябре 1930 г. В материалах Центрального архива Нижегородской области сохранились материалы заседания комиссии при этом институте по выработке медицинских показаний и противопоказаний к искусственному аборт и стерилизации женщин от 31 декабря 1931 г. Абсолютными показаниями к стерилизации женщин признавались: «идиотизм и слабоумие, стойкие хронические женские заболевания» (ЦАНО 2522а). Среди основных задач института были обозначены: «накапливать и собирать материал по социальной гигиене и социальной патологии детского населения СССР <...> изучать особенности, отклонения и колебания в физическом развитии детей и зависимость этих явлений от географических, расовых, национальных и социальных причин и на основании этих материалов делать практические выводы в отношении направления мероприятий по оздоровлению детей и подростков. Оздоровление детства является прямой и конечной целью работ Института» (ЦАНО 2522б).

Н. Л. Кременцов замечает: «На рубеже 1920–1930-х гг., в период сталинского “великого перелома”, евгеника подверглась критике как “буржуазная” наука... После краткого периода успешного роста в начале 1930-х гг. медицинская генетика была заклеена как “фашистская” наука, и к концу десятилетия исследования в этой области практически прекратились» (Кременцов 2014: 24). Н. С. Курек считает, что «в 1930 году за враждебность марксизму были ликвидированы “Русское психоаналитическое общество” и “Русское евгеническое общество”» (Курек 2004: 68). После известных событий в Германии 1933–1934 гг. советский дискурс в отношении евгеники окончательно приобретает агрессивно-антифашистский характер, что, по мнению отечественных исследователей, являлось не только индикатором, но и основной причиной отказа от государственной поддержки евгеники (Кременцов 2014: 45–46). Интересно, что Н. Л. Кременцов в этой связи косвенно упоминает борьбу с троцкизмом: «В начале мая 1937 г. на специальном совещании в Наркомздраве обсуждалось будущее ИМГ (института медицинской генетики)... Даже методы исследования медицинской генетики, например, изучение близнецов, стали называться “фашистскими”. Через несколько месяцев арест Каминского, как члена “троцкистского заговора”, окончательно определил судьбу ИМГ: институт был закрыт, а его сотрудники рассеяны по другим учреждениям» (Кременцов 2014: 46).

Уже установлено, что взгляды Л. Д. Троцкого на перспективы развития человека и советского общества теснейшим образом переплетались с евгеническими концепциями. Об этом пишет Н. Л. Кременцов: «Евгенические идеи “улучшения человечества” были созвучны раннему видению большевиками будущего страны (и, в конечном итоге, всего мира)... Большевики верили в социальный прогресс, ведущий к новому коммунистическому обществу, состоящему из “новых людей”... Возможно, лучшей иллюстрацией этой веры было пророчество Л. Д. Троцкого в 1922 г.: “Чело-

век поставит себе целью <...> создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно сверхчеловека» (Кременцов 2014: 48). Действительно, Л. Д. Троцкий, в бытность свою одним из лидеров советского государства, неоднократно высказывался о научных способах «улучшения» человека. Как справедливо замечает В. В. Бабков, «Л. Д. Троцкий был патроном советского психоанализа, педологии и психологии» (Бабков 2008: 13), а мы бы добавили — и не только! В его работах неоднократно шла речь о довольно радикальных, поистине революционных методах «улучшения» человека, в том числе с помощью воспитания. Широко известным является, например, такое высказывание Троцкого: «Мы можем провести через всю Сахару железную дорогу, построить Эйфелеву башню и разговаривать с Нью-Йорком без проволоки, а человека улучшить, неужели же не сможем? Нет, сможем! Выпустить новое “улучшенное издание” человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма... При помощи самых разнообразных комбинированных средств усовершенствовать организм человека, урегулировать кровообращение, утоньшить нервную систему и в то же время закалить, укрепить организм, сделать его гибче и выносливее — вот гигантская и какая заманчивая задача!» (Троцкий 1924: 84–85).

В таком контексте вполне симптоматичным представляется взгляд Л. Д. Троцкого (и его многочисленных сторонников) на саму природу человека: «Ибо что такое человек? Это отнюдь не законченное и не гармоническое существо. Нет, это существо еще весьма нескладное. В нем есть не только отросток слепой кишки, который ни к чему не нужен, — только аппендицит от него происходит, — если взять психику человека, то таких ненужных “отростков”, от которых происходят всякие заболевания, всякие духовные аппендициты, у него сколько угодно. Человек, как животный вид, развивался в естественных условиях не по плану, а стихийно, и накопил в самом себе много противоречий» (Троцкий 1924: 84). Цель науки по Троцкому — «овладеть чувствами, понять инстинкты, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять человека на новую биологическую ступень, создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — *сверхчеловека* — вот какую задачу он (человеческий род — В. С.) себе поставит» (Троцкий 1923: 188–189). Хочется напомнить, что это — слова человека, претендовавшего на лидерство в государстве, его главного (после смерти В. И. Ленина) идеолога, пытавшегося направить советское общество по этому «светлому» пути...

Здесь нельзя не обратить внимание на примечательное единомыслие Л. Д. Троцкого и Н. К. Кольцова — одного из самых известных лидеров и популяризаторов отечественной евгеники, организатора Института экспериментальной биологии, о котором упоминал даже В. Маяковский (Маяковский 1978: 12), в вопросе о перспективах нового человека: «Будущий человек... — писал в октябре 1921 г. Кольцов — должен также быть снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что желает его организм жизнеспособным. Этот новый человек — *сверхчеловек*, “Homo creator” — должен стать действительно царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли. И если при этом он не всегда будет чувствовать себя счастливым, будет порою страдать от ненасытимой жажды все новых и новых достижений, все же, я полагаю, эти страдания святого недовольства — невысокая цена за ту мощь и кипучую работу, которые выпадут на его долю. Вот тот идеал евгеники, который мне кажется наиболее привлекательным...» (Кольцов 1922: 21).

Н. К. Кольцов довольно резко, если не сказать более, выражал свое отношение к влиянию среды на наследственность: «Если жеребец хорошей породы сломает еще в молодом возрасте ногу и принужден будет отстаиваться без тренировки, то коннозаводчик ни в каком случае не забракует его в качестве производителя, будет с полной уверенностью покрывать им лучших кобыл и получит от него прекрасное потомство. Мы биологи говорим, что благоприобретенные признаки — сломанная нога, результаты того или иного кормления или тренировки, изменения, возникшие у животного при жизни, не передаются по наследству потомству. Наследуются только такие признаки, которые были в яйцевых и семенных клетках самки и самца или возникают в них под влиянием различных, для нас еще неясных причин» (Кольцов 2009: 72).

Точка зрения, к которой очевидно склонялся Н. К. Кольцов, была представлена также вполне заметными и авторитетными, прежде всего в антисоветских кругах, авторами. Так П. Сорокин, немало пострадавший от советской власти, выражал точку зрения, объяснимо близкую к вышеупомянутому персонажу из произведения А. П. Чехова: «От второсортных производителей нельзя ждать первосортного потомства. Революция в этом смысле похожа на огородника, вырывающего с гряды лучшие растения и оставляющего размножаться сорную траву — человеческий материал второго и третьего сорта» (Сорокин 2010: 239). Именно революцию Сорокин считал фактором, негативно отразившимся на качествах человека: «Она (русская революция) произвела ужасающее — количественное и качественное опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации» (Сорокин 2010: 245), произвела «антиевгеническую селекцию» (Сорокин 2010: 242). Впрочем, нельзя не сказать и о сторонниках евгеники, вполне лояльно относящихся к советской власти, таких, например, как К. Э. Циолковский, который в 1928 г. писал: «Далее должно произвести опыты улучшения людской породы так. Отборные мужчины-производители, по согласию с женихами и их невестами, должны последних оплодотворить, т. е. зачатие должно производиться не женихами, а особыми производителями» (Циолковский 2010: 181).

Если Л. Д. Троцкий, как и некоторые его идейные соратники, судя по имеющимся данным, не сомневался в возможности «переделки» человека «механическими» способами, то ряд русских ученых выражали по этому поводу резонное беспокойство, вызванное неполнотой научных знаний о генетике человека. Тот же В. М. Бехтерев, на труды которого неоднократно ссылались и те, и другие, не может считаться обладателем устоявшего мнения. С одной стороны он признавал, что «...при неблагоприятной наследственности, несмотря на лучшие примеры и воспитание, потомок нередко оказывается нравственным уродом, составляющим поразительное противоречие с условиями воспитания» (Бехтерев 1999: 69–70), с другой, отвечая на вопрос, что же направляет или определяет характер тех или других изменений организмов, — писал: «По общепринятому взгляду главным их определителем является окружающая среда» (Бехтерев 1999: 112), и даже пытался найти компромисс между противоположными взглядами: «Руководясь вышеизложенным, можно было бы думать, что все видоизменения организмов определяются условиями окружающей среды, а между тем при этом нельзя упускать из виду одного важного обстоятельства — это активного отношения организмов к окружающей среде, которое дает возможность организму в известной мере быть независимым от окружающих условий, даже приспособлять последние к потребностям своего организма, а в известных случаях и преобразовывать их соответственным образом» (Бехтерев 1999: 113).

Учитывая степень влияния Л. Д. Троцкого на общественно-политический дискурс, особенно возросшего после смерти В. И. Ленина в январе 1924 г., проблема, очевидно, выходила за рамки научной дискуссии. Она была слишком актуальной, чтобы волновать лишь ученые умы. Деятели культуры и образования также не могли остаться в стороне от обсуждения. М. Горький в 1930 г. писал: «Существует ли глупость как “дар природы”? Я уверен, что — не существует и что даже кретины, идиоты создаются не природой, а тою биологией, которая обусловлена “бытом”, социологией» (*Горький*). Великий педагог А. С. Макаренко, сожалел: «Когда человека изучили, узнали и записали, что у него воля — А, эмоции — Б, инстинкт — В, то потом что дальше делать с этими величинами никто не знает. Потому, что *нет цели*: ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся, там и будут...» (*Макаренко* 1990: 71). Размышляя о причинах «ухудшения» человека, он утверждал: «Человек плох только потому, что он находится в плохой социальной структуре, в плохих условиях» (*Макаренко* 1990: 72). Мало кто осмеливался тогда в советской России заговаривать о духовности, о душе как о некоей нематериальной сущности человека. Интересно, что лишь в иносказательной форме автор антиутопии «Мы» Е. И. Замятин упомянул героя своего произведения, который, по утверждению лечащих его врачей, неизлечимо заболел: «Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась *душа*» (*Замятин* 2022: 85).

Дискуссии в научной среде и на страницах печати не добавляли ясности в вопросе о роли наследования благоприобретенных признаков. Даже И. П. Павлов вынужден был в конце жизни в 1935 г. признать: «Едва ли может привиться, быть оправданным наукою и мыслью, и чувством культурного человека теперешний, по преимуществу германский, способ государственной стерилизации людей, относительно которых врач установил, что они больны такой-то болезнью и что такие болезни передаются по наследству. Во-первых, наукой еще с абсолютной точностью во многих случаях не установлено, что болезнь непременно будет передана при сочетании мужа и жены индивидууму, а не исключаются какие-нибудь взаимные воздержания. А во-вторых, из личных несчастий личности...» (*Павлов* 1975: 105–106).

Так или иначе, примерно с 1930 г. меняется отношение советской власти к евгенике как науке о преимущественном влиянии неизменного гена на человеческую наследственность. Выражалось это, помимо часто упоминавшихся в научных работах запретов и репрессий, в изменении вектора научных публикаций. Так, антрополог А. И. Ярхо писал: «До 1930 г. советское расоведение находилось всецело под влиянием чуждых нам буржуазных расовых теорий... Антропосоциологические теории, казавшиеся еще сравнительно безобидными 8–10 лет назад и открыто пропагандировавшиеся в советской печати, очутившись идеологическим орудием оголтелого фашизма, показали советской общественности и передовой интеллигенции Запада свое звериное лицо» (*Ярхо* 1934: 5). Трудно не заметить, что все дискуссии так или иначе происходили от относительности взгляда на природу и происхождение человека. Отрицая креационистскую концепцию, ученые-материалисты неизбежно сталкивались с проблемой невозможности универсального подхода к типологизации и классификации природного и социального многообразия исторических форм человеческой активности: «В области определения сущности расы для большинства буржуазных и советских антропологов характерен зоологизм... Одним из наиболее ярких, опасных проявлений биологизации социальных взаимоотношений является пресловутая евгеника... С точки зрения евгеники наивно полагать, что всякое улуч-

шение в благосостоянии тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня... являются лучшими способами для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает» (*Ярхо* 1932: 11, 16). Другими словами, в вину евгенике ставилось то, что она не относилась к факторам изменения наследственности «завоевания революции» — улучшение материальной жизни людей, улучшение медицинской помощи, пенсионное обеспечение, детские сады, воспитание, вообще все, что было призвано облегчить жизнь трудящихся и что являлось заявленной целью социализма. С точки зрения «классических» евгенистов как раз эти «рукотворные» факторы негативно воздействовали на развитие популяции людей и могли привести к ее деградации, поскольку, по их мнению, отсутствие борьбы за биологическое существование плохо влияет на наследственный отбор. Интересно, что не без некоей назидательности в 1922 г. Н. К. Кольцов писал: «...совсем недавно, в начале войны (Первой мировой — В. С.), в немецком научном журнале “Archiv fur Rassen und Gesellschafts Biologie”, в выпуске, посвященном вопросу о рождаемости и приросте населения, ряд авторов с завистью говорили о высокой смертности русских детей, полагая, что усиленная борьба за существование поддерживает среди русского народа и высокую наследственную выносливость» (*Кольцов* 1922: 25–26). Можно ли удивляться, что через десять лет после этого последовала вполне понятная в новых условиях реакция на подобные «идеи»: «Биологизирование социальных явлений во всех его видах является важнейшей опасностью в расоведении в СССР» (*Ярхо* 1932: 18). При этом — «Антропология, как нам кажется, есть наука, изучающая изменения биологических особенностей населения в историческом процессе... Но это вовсе не означает известного влияния биологических моментов на социальные. Через биологию перепрыгнуть нельзя» (*Ярхо* 1932: 22).

Человек и животное не одно и то же. В жизни человека основную роль играет социальный аспект. Еще в 1921 г. Н. К. Кольцов резонно (может быть, не без некоторого сожаления) предупреждал: «Современный человек не откажется от самой драгоценной свободы — права выбирать супруга по своему собственному выбору... Из этого основного различия развития человеческой расы от разведения домашних животных и вытекают все остальные отличия евгеники от зоотехники» (*Кольцов* 1922: 10), и поэтому «... нельзя применить к размножению человека тех методов, которыми привык работать зоотехник» (*Кольцов* 1922: 21). Развивая этот тезис, оппоненты евгенистов стали выстраивать собственную логику: «В настоящее время вряд ли уже является дискуссионным положение, что расы животных и человека не являются идентичными... Расу мы не можем рассматривать вне человеческого общества, следовательно, биологические закономерности, действующие в животном мире, в человеческом обществе выступают как “снятые”, подчиненные. Снятие, однако, не означает уничтожение» (*Трофимова, Чебоксаров* 1933: 9–10). Воздействие окружающей среды, которую человек также меняет в процессе своей трудовой конструктивной («проектной») деятельности на человека «носит не “непосредственный” характер, но “преломляется” через общественную “искусственную” среду, без которой невозможно и само существование, бытие человека» (*Трофимова, Чебоксаров* 1933: 17).

Логично, что в контексте мировых процессов 1930-х гг. исследования в области генетики не могли не касаться политических вопросов, проблем управления обществом. С этих позиций в СССР происходило резкое размежевание с евгеникой, как с попыткой «научного» обоснования фашизации Европы: «...Евгенические разговоры

являются по существу только демагогией, цель которой — показать массам, что фашизм заботится об “оздоровлении расы”. Нет сомнения в том, что фашизм использует стерилизацию и кастрацию (также предусмотренную законом) в качестве метода террора против своих политических противников» (Плисецкий, Смулевич 1934: 10). В результате — «...антропологию надо рассматривать как историю природы человека в ее социальной обусловленности» (Трофимова, Чебоксаров 1934: 30).

Новая парадигма исследований о развитии человека стала выглядеть так: «Мы не мыслим себе ни одно существо оторванным от какой-либо среды. В частности, человек всегда для нас является только общественным существом. Развитие человека, образование рас происходило в определенных географических и социальных условиях» (Ярхо 1934: 10). В 1937 г. вышла монография П. Ф. Рокицкого «Явления наследственности. Общедоступное введение в генетику». В ней была обозначена, по сути, официальная точка зрения на проблему: «Многие авторы изображали наследственность как какой-то рок, якобы тяготеющий над отдельными семьями... Мы сейчас знаем, что наследственность зависит от передачи генов. Поэтому представление о постоянстве наследственности есть представление о постоянстве генов. Но так ли это на самом деле? В настоящее время можно сказать с полной уверенностью, что это не так. Идея неизменности генов разрушена» (Рокицкий 1937: 90–91). После таких изменений судьба евгеники и его сторонников была предрешена. В. В. Бабков, много внимания уделивший в своей работе судьбе Н. К. Кольцова, который, по его мнению, «играл ключевую роль в организации *сопротивления сталинщине* на сессии ВАСХНИЛ 1936 г.» (Бабков 2008: 650), считает, что «расправа над ним... основная цель работы комиссии», созданной Постановлением Президиума АН СССР от 4 марта 1939 г. (Бабков 2008: 650).

«Сталинщина», по выражению В. В. Бабкова, в области формирования «нового человека», выразилась, прежде всего, в частичной реабилитации дореволюционных воспитательно-образовательных методов воздействия на подрастающее поколение, подразумевавших взгляд на человека, в первую очередь, как на социальный субъект, обладающий рядом нематериальных характеристик.

Новая (старая) парадигма была озвучена, в частности, Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калининым 28 ноября 1938 г. на совещании «учителей-отличников» городских и сельских школ: «У нас создается новый человек социалистического общества. Этому человеку надо прививать самые лучшие человеческие качества. Ведь и новый, социалистический человек, он не будет человеком, у которого отсутствуют человеческие чувства. *Человек есть человек. Из этого надо исходить*» (Калинин 1962: 324). К «человеческим качествам» М. И. Калинин отнес: «...во-первых, любовь. Любовь к своему народу, любовь к трудящимся массам. Человек должен любить людей» (Калинин 1962: 324). Далее он назвал такие качества, как: *честность, храбрость, товарищеская спайка, трудолюбие* (Калинин 1962: 324–325). Добиться результатов, по мнению М. И. Калинина, возможно было методами воспитания, которые предлагал в свое время К. Д. Ушинский. Например, на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической Академии РККА 19 сентября 1940 г. М. И. Калинин сказал: «Выдающийся русский педагог Ушинский говорил... чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще *чистую душу*. Под “душой” Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность, или то, что

еще называют совестью» (Калинин 1962: 383). Очевидно, что подобный взгляд на человека шел в разрез с устоявшейся в евгенической среде концепцией.

Так что же можно считать основной причиной отказа от евгенических исследований в СССР? Думается, что цель отказа от евгеники далеко не в первую очередь была обусловлена желанием расправиться с Н. К. Кольцовым, как с «организатором сопротивления сталинщине» и его коллегами. Скорее идея, которую защищал и транслировал Кольцов, делала практически мало значимыми усилия власти по формированию нового человека в сталинском понимании этого слова. Сам Кольцов неоднократно высказывался о евгенике, как о специфической вере, даже религии (Кольцов 1922: 27). В 1921 г. Он писал: «Раздаются голоса, требующие, чтобы евгеническая идея стала революционной религиозной идеей, которая заняла бы первое место среди идей, объединяющих вокруг себя широкие массы человечества» (Кольцов 1922: 3). Именно вера в ген как в неизменную и неизменяемую основу жизни биологического организма, некритически перенесенная евгениками в сферу общественно-политических отношений, стала главной причиной их методологического «фиаско», а совсем не личная неприязнь Сталина или несоответствие евгеники идеологическим установкам коммунистической партии. Скорее можно говорить о несоответствии евгенического «символа веры» самой жизни, поскольку многообразие ее форм и до сих пор не до конца разгаданное содержание оставляют намного больше возможностей для развития, нежели евгенические попытки всеобъемлющего «разумного» управления этим процессом. В контексте темы настоящей статьи Сталин, напротив, представляется инициатором отказа от «механистических» методов воздействия на человека и частичной реабилитации традиционных нематериальных форм воспитания подрастающего поколения, которая выразилась, в частности, в возврате к педагогическому наследию К. Д. Ушинского. Возможно также, что характерные для середины 1920–1930-х гг. обвинения политических противников Сталина в троцкистско-фашистском заговоре исторически должны трактоваться в расширительном ключе — не только как наличие прямых или скрытых контактов с фашистскими государствами, но и как приверженность определенной концепции, мировоззрению, взгляду на природу человека и возможность воздействовать на нее в будущем. Так или иначе на пути этих преобразований становилась ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, стремление человека к ее подчеркиванию и обереганию, к трепетному ее культивированию в форме любви, заботы о детях, в признании одушевленности как высшей ценности для человека.

Источники и материалы

- Бехтерев 1910 — Бехтерев В. М. Вопросы душевного здоровья в населении России // Вестник Европы. 1910. № 9. С. 294–306.
- Бехтерев 1999 — Бехтерев В. М. Избранные труды по психологии личности в двух томах. Том первый. СПб.: Алетейя, 1999. 255 с.
- Горький — Горький М. Об умниках [Электронный ресурс]. gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-299.htm (дата обращения: 16.10.2024).
- Данилевский 1991 — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Залкинд 1929 — Залкинд А. Б. Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929. 82 с.
- Замятин 2022 — Замятин Е. И. Мы: роман. М.: АСТ, 2022. 224 с.
- Из речей 1928 — Из речей Н. К. Крупской, Н. И. Бухарина, А. В. Луначарского и Н. А. Семашко по основным вопросам педологии // На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Государственного ученого Совета. 1928. № 1. С. 9–14.

- Калинин 1962 — Калинин М. И. Избранные произведения в четырех томах. Т. 3. М., 1962. 494 с.
- Кольцов 1922 — Кольцов Н. К. Улучшение человеческой породы. Речь в годичном заседании Русского Евгенического общества 20 октября 1921 г. // Русский евгенический журнал. Издаваемый при участии Русского евгенического общества под редакцией Н. К. Кольцова. Том I. Выпуск первый. М.: Государственное издательство. 1922. С. 3–27.
- Кольцов 2009 — Кольцов Н. К. Евгеника. (Улучшение человеческой породы). Радиолекция // Человек. 2009. №1. С. 67–78.
- Крживицкий 1902 — Крживицкий Л. Психологические расы: опыт психологии народов. Перевод с польского. СПб.: Издательское т-во «XX век», 1902. 226 с.
- Лебон 2023 — Лебон Г. Психология социализма. 3-е изд. М.; Челябинск: Социум, 2023. 476 с.
- Макаренко 1990 — Макаренко А. С. О воспитании. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- Маяковский 1978 — Маяковский В. В. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. VI. М.: Правда, 1978. 515 с.
- Павлов 1975 — Павлов И. П. Об одном важном долге современного врача // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л.: Наука, 1975. С. 103–106.
- Плисецкий, Смугевич 1934 — Плисецкий М. С., Смугевич Б. Я. Расовая теория — классовая теория // Антропологический журнал. 1934. №1–2. С. 9–27.
- Рокицкий 1937 — Рокицкий П. Ф. Явления наследственности. Общедоступное введение в генетику. М.; Л.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1937. 128 с.
- Сорокин 2010 — Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2010. 552 с.
- Трофимова, Чебоксаров 1933 — Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Расы и расовая теория в работах Маркса, Энгельса и Ленина // Антропологический журнал. 1933. № 1–2. С. 9–33.
- Трофимова, Чебоксаров 1934 — Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н. Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию // Антропологический журнал. 1934. №1–2. С. 28–54.
- Троцкий 1923 — Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Красная Новь, 1923. 392 с.
- Троцкий 1924 — Троцкий Л. Д. Несколько слов о воспитании человека. Речь на торжественном заседании в Институте имени Карла Либкнехта 24 июня 1924 г. // Троцкий Л. Д. Вопросы культурной работы. М.: Государственное издательство, 1924. 171 с.
- ЦАНО 2522а — Центральный Архив Нижегородской области. Ф. 2522. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 42.
- ЦАНО 2522б — Центральный Архив Нижегородской области. Ф. 2522. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 61.
- Циолковский 2010 — Циолковский К. Э. Что делать на земле? (1928 г.) // Циолковский К. Э. Миражи будущего общественного устройства. Сборник статей. М.: Луч, 2010. С. 171–196.
- Чехов 1977 — Чехов А. П. В усадьбе // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. М.: Наука, 1977. С. 333–341.
- Ярхо 1932 — Ярхо А. И. Против идеалистических течений в расоведении СССР // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 9–23.
- Ярхо 1934 — Ярхо А. И. Очередные задачи советского расоведения // Антропологический журнал. 1934. №3. С. 3–20.

Научная литература

- Бабков В. В. Заря генетики человека: русское евгеническое движение и начало медицинской генетики. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 799 с.
- Конашев М. Б. Советская евгеника в политическом контексте эпохи // XV Плехановские чтения. Советский Союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства. Материалы к международной конференции 23–25 сентября 2022 г. СПб.: РНБ, «НИЦ Арт», 2022. С. 250–261.
- Кременцов Н. Л. От «звериной философии» к медицинской генетике: евгеника в России и Советском Союзе // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 2. С. 24–56.

- Кременцов Н. Л. Международная евгеника и российское научное сообщество, 1900–1917 // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 1. С. 7–40.
- Кудашова И. В. Социально-философские аспекты идеи усовершенствования человека. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Красноярск, 2006. 26 с.
- Курек Н. С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004. 330 с.
- Фандо Р. А. Становление генетики человека в СССР в первой половине XX в.: теоретические и социокультурные аспекты. Автореф. дисс. докт. биол. наук. М., 2011. 48 с.

References

- Babkov, V. V. 2008. *Zarya genetiki cheloveka: russkoe evgenicheskoe dvizhenie i nachalo mediczinskoj genetiki* [The Dawn of Human Genetics: The Russian Eugenics Movement and the Beginnings of Medical Genetics]. Moscow: Progress-Tradicziya. 799 p.
- Fando, R. A. 2011. *Stanovlenie genetiki cheloveka v SSSR v pervoi polovine XX v.: teoreticheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Formation of Human Genetics in the USSR in the First Half of the 20th Century: Theoretical and Socio-Cultural Aspects]. Doctoral diss. abstract, S. I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology. 48 p.
- Konashev, M. B. 2022. Sovetskaya evgenika v politicheskom kontekste e'pokhi [Soviet Eugenics in the Political Context of the Era]. In *XV Plekhanovskie chteniya. Sovetskij Soyuz v geopoliticheskikh usloviyakh 1927–1941 gg.: problemy, czeli i rezul'taty v oblasti vnutrennego i vneshnepoliticheskogo kursov stroitel'stva gosudarstva. Materialy k mezhdunarodnoj konferenczii 23–25 sentyabrya 2022* [XV Plekhanov Readings. The Soviet Union in the Geopolitical Conditions of 1927–1941: Problems, Goals, and Results in the Field of Domestic and Foreign Policy Courses of State Building. Proceedings for the International Conference, September 23–25, 2022]. Saint Petersburg: RNB, «NICz Art». 250–261.
- Krementsov, N. L. 2014. Ot «zverinoi filosofii» k meditsinskoj genetike: evgenika v Rossii i Sovetskom Soiuze [From “Animal Philosophy” to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia* 6(2): 24–56.
- Krementsov, N. L. 2015. Mezhdunarodnaia evgenika i rossiiskoe nauchnoe soobshchestvo, 1900–1917 [International Eugenics and the Russian Scientific Community, 1900–1917]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia* 7(1): 7–40.
- Kudashova, I. V. 2006. *Sotsial'no-filosofskie aspekty idei usovershenstvovaniia cheloveka* [Social and Philosophical Aspects of the Idea of Human Improvement]. Ph.D. diss. abstract, Siberian Aerospace Academy named after M. F. Reshetnev. 26 p.
- Kurek, N. S. 2004. *Istoriia likvidatsii pedologii i psikhotehniki v SSSR* [History of the Liquidation of Pedology and Psychotechnics in the USSR]. Saint Petersburg: Aleteia. 330 p.